

Соколов Л. А. Аскетический принцип в пастырском богословии. [Рец. на:] Тихон [Щыпляковский], игум. Святое высокое служение иерея Божия – добровольное мученичество. Тамбов, 1894 // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 6. С. 450–458 (3-я пагин.).

Аскетическій принципъ въ Пастырскомъ Богословіи.

„Святое, высокое служеніе іерея Божія — добровольное мученичество“. Игумена Тихона. Тамбовъ. 1894 г.

Подъ указаннымъ выше названіемъ вышла въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года книжка игумена Тихона. Идея книжки пастырски-аскетическая. Въ противоположность ошибочному взгляду на пастырство, какъ на внѣшнюю только общественную дѣятельность, авторъ выясняетъ мысль, что пастырское служеніе есть непрерывное духовное подвижничество и что его успѣхъ всецѣло зависитъ отъ благодатной жизни во Христѣ самого пастыря. Содержаніе книжки игумена Тихона—слѣдующее.

Въ предисловіи авторъ свидѣтельствуетъ, что его трудъ является плодомъ уединенныхъ продолжительныхъ размышленій о сущности и смыслѣ пройденнаго имъ пастырскаго пути жизни. Онъ вспоминаетъ о томъ, какъ онъ при окончаніи семинарскаго курса писалъ сочиненіе на тему: „священство не ремесло, а добровольное мученичество“ и сознается, что тогда и онъ, и его товарищи рѣшали этотъ вопросъ „легкомысленно и малоразумно“, потому что юнымъ кандидатамъ священства не доставало тогда духовнаго опыта. Только усердное изученіе Слова Божія и святоотеческихъ твореній съ ихъ аскетически-пастырской стороны можетъ создать въ душѣ кандидата священства истинныя основы пастырскаго міровоззрѣнія. Обращаясь духовнымъ взоромъ къ своему пастырскому служенію, авторъ съ особенною силою указываетъ на высоту идеальныхъ свойствъ пастыря Церкви и никогда не оставляющее истиннаго пастыря глу-

бокое сознание своего недостойнства, какъ на два элемента пастырскаго міровоззрѣнія, изъ которыхъ слагается пастырское настроеніе мученичества, или подвижничества. Съ одной стороны, пастырь знаетъ высоту священства, свой идеаль, съ другой,—сознаетъ свое недостойнство, „не ожидая оправданія отъ дѣлъ своихъ благихъ“. Отсюда возникаетъ въ душѣ истиннаго пастыря глубочайшее смиреніе, упованіе на щедроты Божіи, оправдывающія человѣка не отъ дѣлъ праведныхъ, которыя сотворилъ онъ, но по Божіей милости; отсюда же постоянное вниманіе себѣ и борьба съ грѣхомъ своей природы, т. е. непрерывное духовное подвижничество. Это то весьма важное положеніе авторъ и пытается выяснитъ, „взявъ въ руки два зеркала—Слово Божіе и Творенія св. Отцевъ и въ нихъ находя черты іереевъ Божіихъ, вольныхъ мучениковъ ради Бога и ближнихъ“.

Особенно подробно выясняется пастырская обязанность ходить достойно своего званія. Авторъ истолковываетъ въ приложеніи къ пастырскому служенію наиболѣе важныя мѣста Слова Божія, относящіяся, какъ къ христіанскому званію и подвигу вообще, такъ и въ особенности къ пастырямъ церкви, напр. Еф. IV, 1—3, Дѣян. XX, 28; 1 Петр. V, 1—5; 1 Тим. IV, 11—12; 2 Тим. IV, 2 и др. Пользуясь „зеркаломъ“ святоотеческихъ толкованій и изъясненіемъ преосв. Теофана, авторъ указываетъ пастырскій смыслъ приведенныхъ имъ мѣстъ Слова Божія. Важнѣйшія черты добраго пастыря, вытекающія изъ обязанности его ходить достойно своего званія, по разумѣнію автора, суть—смирennemудріе и внутреннее единеніе съ вѣренными душами. Первое, по толкованію Златоуста, есть основаніе всякой добродѣтели. Оно выражается не въ словахъ только и дѣлахъ, но во всѣхъ наружныхъ пріемахъ и тонѣ рѣчи. Не обращайся, говоритъ Златоустъ, съ однимъ смиренно, а съ другимъ дерзко; сохраняй смиреніе со всякимъ, другъ ли твой, или врагъ, знатный, или ничтожный человѣкъ: въ этомъ смиреніе. Въ пастырскомъ отношеніи эта черта имѣетъ важное значеніе, потому что ею обуславливается возможность любвеобильнаго и нелицепріятнаго пастырскаго отношенія къ людямъ. На основаніи же смиренія возможно пастырское единеніе душъ, потому что смиреніе, какъ по-

стоянное состояніе пастырскаго духа, даетъ внутреннюю возможность соединяться съ душами ближнихъ во имя присущаго послѣднимъ добра и совмѣстно бороться со зломъ своей природы. Въ состояніи христіанскаго смиренія старецъ и юноша, бѣдный и богатый, отрокъ и взрослый— всѣ могутъ соединиться во едино подѣ водительство пастырей (стр. 7). Но для того, чтобы пастырь Церкви былъ объединяющей нравственной силой для своей паствы, онъ долженъ „внимать себѣ“, т. е. путемъ непрерывнаго духовнаго подвига очищать свою душу, чтобы „никто ничего не могъ найти въ немъ укорнаго“. Во всемъ подавай собою примѣръ добрыхъ дѣлъ, наставляеть пастыря св. Златоустъ, самъ будь первообразомъ въ жизни, являясь предѣ другими, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ жизни благой (бес. на 1 Тим., стр. 178). И это непрерывное духовное подвижничество, постоянное очищеніе своей совѣсти должно находить свое обоснованіе не въ заботахъ о спасеніи своей души,—этомъ личномъ мотивѣ духовнаго подвига, а въ мотивѣ общественнаго характера, — въ попеченіи о возрожденіи вѣранныхъ пастырю душъ. Пастырь потому внимаетъ себѣ, что тѣмъ самымъ онъ внимаетъ и всему стаду, ибо личный подвигъ и общественная дѣятельность пастыря въ силу благодатныхъ условій послѣдней находятся въ тѣсной зависимости. Въ толкованіи на прощальную бесѣду Ап. Павла къ пресвитерамъ Ефѣскимъ св. Златоустъ выясняетъ указанный законъ пастырской жизни слѣдующимъ образомъ. Ап. Павелъ, говоритъ оиъ, даетъ здѣсь (Дѣян. XX, 28) двѣ заповѣди, т. е. внимать себѣ и пеиись о стадѣ. Ибо бесполезно, какъ исправлять только другихъ, такъ и заботиться только о самомъ себѣ. Послѣднее свойственно самолюбцу, который ищетъ полезнаго только для него самаго и подобенъ челоѣку закопавшему талантъ въ землю. Говоритъ объ этомъ Павелъ не потому, будто наше (пастырское) спасеніе важнѣе спасенія стада, но потому что, когда мы внимаемъ себѣ, тогда получаетъ пользу и стадо (Бес. на Дѣян. ч. II стр. 252). Нравственное возрожденіе христіанскихъ душъ подѣ воздействием пастыря Церкви совершается болѣе всего путемъ уподобленія воли возраждаемаго волѣ пастырской. Нравственно чистая воля пастыря имѣеть силу входить въ

общеніе съ волею ближняго и уподоблять ее себѣ, особенно при отрѣшенности отъ себялюбія. Весьма основательно по-сему разсуждаетъ авторъ разсматриваемой книжки, когда указываетъ юнымъ іереямъ и кандидатамъ священства путь къ достиженію цѣлей своего высокаго призванія въ личномъ духовномъ совершенствѣ, въ постепенномъ восхожденіи на высшую и высшую ступень возраста духовнаго. Вспомогательнымъ средствомъ на этомъ пути авторъ справедливо полагаетъ изученіе Св. Писанія и проникновеніе его вѣчно живою и дѣйственной силою. Плодами послѣдняго являются высокія добродѣтели—смиреніе, цѣломудріе и трезвеніе. Чистота и личное совершенство духа требуются отъ пастыря Церкви уже по самому существу пастырскаго служенія, которое есть не что иное, какъ духовное выдѣленіе изъ міра и готовность самопожертвованія ради спасенія ближнихъ. Подтверженіе этой мысли авторъ находитъ во всѣхъ именахъ, какія прилагаются въ Словѣ Божіемъ къ іереямъ (стр. 11). По смыслу именъ, прилагаемыхъ къ пастырямъ Церкви въ Словѣ Божіемъ, авторъ разсматриваетъ пастырскій подвигъ, какъ святой, ранно-ангельскій, молитвенный и христонражательный. Разсматривая пастырское служеніе, какъ святое, авторъ указываетъ на необходимость для святости всесторонняго аскетическаго подвига и многими изрѣченіями Златоуста и др. святыхъ отцевъ Церкви подтверждаетъ, что жизнь пастыря должна быть принесеніемъ всего себя, по тѣлу и духу, — въ жертву великому служенію (стр. 12 — 28). Служащій и священнодѣйствующій въ дому Божіемъ, каковъ бы ни былъ въ другое время, при служеніи входитъ въ себя и дѣлается благоговѣйнымъ, такъ и цѣлую жизнь пастырь долженъ быть въ такомъ расположеніи духа, какъ священнодѣйствующій (стр. 14). Сущность такого благоговѣйно-пастырскаго настроенія заключается въ проникновеніи въ содержаніе христіанскаго богослуженія и проистекающемъ отсюда постоянномъ молитвенно-пастырскомъ состояніи духа (стр. 27, отвѣтъ Симеона Новаго Богослова на вопросъ: каковъ долженъ быть іерей). Равноангельность пастырскаго подвига авторъ справедливо видитъ въ непрестанной молитвѣ и въ подражаніи ангельской чистотѣ путемъ молитвеннаго проникновенія въ духовный смыслъ хри-

стіанскаго богослуженія и таинствъ (стр. 28—39). Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны приводимые имъ совѣты (числомъ 20) преп. Теогноста: „каковъ долженъ быть и какъ дѣйствовать долженъ почтенный саномъ священства; какая чистота и святыня требуются отъ него“. Здѣсь весьма назидательны наставленія относительно преимущественной духовной чистоты при совершеніи таинствъ (стр. 34—39). Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ излагаетъ христіанское, по преимуществу аскетическое, ученіе о молитвѣ, ея характеръ и содержаніи и отсюда выводитъ ея значеніе для духовной жизни пастыря. Соединяясь съ извѣстнымъ опредѣленнымъ содержаніемъ, сопровождаемая соотвѣтствующимъ подвигомъ тѣлеснымъ, молитва должна быть въ особенности хожденіемъ предъ Богомъ (стр. 43), умною молитвою (стр. 44), источникомъ, непрестанно текущимъ въ сердцѣ (стр. 63), чтобы „сердце поглотило Господа и Господь сердце и стали сіи два во едино“ (стр. 45, 52). Сомолитвенникъ и почитатель покойнаго преосв. Теофана, авторъ глубоко проникаетъ въ духъ и смыслъ наставленій пастыря-молитвенника и обнаруживаетъ тщательнее знакомство съ ученіемъ о молитвѣ св. Отцевъ и св. подвижниковъ-аскетовъ древней Церкви. Отсюда его разсужденія являются авторитетными и глубоко-основательными, такъ какъ обосновываются на многовѣковомъ христіански-пастырскомъ опытѣ. Молитва не есть временное духовное упражненіе, — она есть непрерывная жизнь христіанскаго сердца, вѣрующей души. Поэтому авторъ увѣщаетъ молодыхъ кандидатовъ священства не оставлять подвига молитвы до принятія пастырскаго служенія, а еще въ Семинаріи и на подготовительныхъ должностяхъ — псаломщиковъ и учителей церковныхъ школъ упражнять себя молитвами и чтеніемъ Слова Божія, иначе „невозможно имъ будетъ изъ полусвѣтскихъ юношей вдругъ превратиться въ богомольцевъ-іереевъ Божіихъ“ (стр. 57). Напротивъ, вниманіе къ своей духовной жизни, очищеніе своей совѣсти и укрѣпленіе воли молитвою и изученіемъ Слова Божія создаютъ въ кандидатѣ священства то горѣніе духа (стр. 120) къ Богу о спасеніи ближнихъ, которое по ученію св. Отцевъ Церкви, особенно св. Іоанна Златоуста, является важнѣйшимъ при-

знакомъ пастырскаго призванія. — Таковы лучшія мысли указанной книжки ¹⁾.

По личному свидѣтельству автора его трудъ еще въ рукописи былъ просмотрѣнъ покойнымъ Еп. Теофаномъ и найденъ „многонужнымъ и многополезнымъ“. По выходѣ изъ печати книжка была раздана кандидатамъ священства, кончающимъ курсъ Семинаріи. Мы не будемъ отрицать многонужности и многополезности книжки игумена Тихона; признаемъ также полезнымъ раздачу такого назидательнаго труда молодымъ кандидатамъ священства, тѣмъ болѣе, что по Пастырскому Богословію такъ мало руководящихъ назидательныхъ трудовъ и кандидаты священства не имѣютъ собственно-пастырскаго руководства. Точка зрѣнія автора на предметъ разсужденія правильна. — По ученію св. Отцевъ и учителей Церкви священникъ лишь въ томъ случаѣ можетъ быть истиннымъ созидателемъ душъ и руководителемъ ихъ ко Христу, когда онъ самъ духовно созидаетъ себя и въ своей совѣсти проходить путь христіанскаго нравственнаго самосовершенствованія ²⁾. И такая точка зрѣнія на пастырское дѣло является единственно вѣрною въ православномъ пастырствѣ, ибо находитъ свое совершеннѣйшее обоснованіе въ самомъ существѣ пастырскаго служенія и въ тѣхъ наставленіяхъ, какія преподаль Христосъ Спаситель своимъ ученикамъ предъ страданіями. „Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ. Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. XV, 3—5 и сл.). Православный пастырь долженъ постоянно носить въ своемъ сердцѣ этотъ завѣтъ своего Пастыреначальника, такъ какъ отъ исполненія его зависитъ торжество и воплощеніе пастырскаго принципа. Лучшіе па-

¹⁾ Мы оставляемъ безъ изложенія изображеніе авторомъ паст. идеала, такъ какъ это послѣднее не представляетъ ничего оригинальнаго, хотя и не лишено значенія по обилію пастырски-назидательнаго матеріала.

²⁾ См. Св. Вас. Вел. т. V, стр. 55 — 56; Григорія Богослова т. I, стр. 23—25, 32, 60; Св. Іоан. Златоуста о свящ. сл. III, бес. на Еванг. Матоея ч. I, стр. 314 на Дѣян. бес. 44, ч. II, стр. 252.

стыри Прав. Церкви всегда помнили и помнятъ этотъ вѣчный пастырскій завѣтъ и соблюдаютъ въ чистотѣ внутреннее око свое, памятуя, что только чистое око обезпечиваетъ успѣхъ дѣланія. Сколько бы мы ни брали примѣровъ изъ правосл. пастырской жизни, на всѣхъ этихъ примѣрахъ мы можемъ видѣть, что тотъ, или иной успѣхъ пастырскаго дѣланія является лишь необходимымъ слѣдствиемъ духовнаго подвига и благодатной жизни самого пастыря. Да иначе и быть не можетъ, потому что таковъ законъ духовной жизни: „надобно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; умудриться, — потомъ умудрять; стать свѣтомъ, — потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, — потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, — потомъ освящать“ (Григорія Бог. ч. I, стр. 60). Къ сожалѣнію кандидаты священства не всегда помнятъ эту глубокую истину и мало отдаютъ вниманія своей внутренней жизни, полагаясь на достаточную удовлетворительность однихъ внѣшнихъ мѣръ пастырскаго воздѣйствія. Они надѣются достигнуть пастырскихъ результатовъ своей дѣятельности лишь путемъ безупречныхъ внѣшнихъ мѣропріятій, ошибочно полагая, что своею личною жизнію они могутъ располагать по произволу. Такое воззрѣніе низводитъ пастырское дѣло въ разрядъ обычныхъ земныхъ служеній и вноситъ въ Церковь лишь одно омірщеніе. Конечно, дальнѣйшій жизненный опытъ проясняетъ духовное око такихъ пастырей; путемъ лишеній, испытаній и неуспѣха они инстинктивно обращаются, наконецъ, къ своему духовному опыту и стараются найти причину своихъ неуспѣховъ въ личныхъ недостаткахъ своей воли и міровоззрѣнія вмѣсто того, чтобы сваливать всю тяжесть личной отвѣтственности на неправильную постановку современнаго пастырства, или тому подобныя внѣшнія и чисто случайныя обстоятельства. Но какой дорогой цѣной покупается этотъ жизненный опытъ, какъ трудно и нерѣдко поздно пріобрѣтается это пастырское разумѣніе жизни! Бѣдный пастырь понимаетъ свою ошибку лишь тогда, когда она уже трудно поправима. Весьма важную услугу, поэтому, оказываетъ кандидатамъ священства тотъ, кто заранѣе убѣждаетъ ихъ полагать личное духовное созиданіе и пастырское служеніе — неразрывно-единымъ подвигомъ всей пастырской жизни, особенно если

эти увѣщанія являются въ результатѣ продолжительнаго пастырскаго опыта, какъ трудъ игумена Тихона. Обиліе святоотеческаго матеріала по Пастырскому Богословію, правильная точка зрѣнія на пастырское служеніе, личный пастырскій духовный опытъ автора, проникновенность и пазидательный тонъ книжки заставляютъ желать, чтобы она не оставалась безъизвѣстною для тѣхъ, кому она посвящена. Жаль только, что книга изложена не достаточно отчетливо. На случай ея новаго изданія, мы отмѣтимъ въ ней слѣдующіе недостатки, исправленіе которыхъ могло бы послужить къ пользѣ книги:

1) Богатый матеріалъ, собранный авторомъ въ долгіе годы уединенія и размышленій, располагается въ книжкѣ безъ всякаго серьезнаго плана, вслѣдствіе чего, напр., изображеніе свойствъ идеальнаго пастыря по пастырскимъ посланіямъ Ап. Павла помѣщено послѣ изложенія молитвенныхъ обязанностей пастыря, чѣмъ нарушается связность и цѣлостность книжки, такъ какъ далѣе идетъ рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ іереевъ и о подражаніи ихъ жизни Христу Спасителю. Въ цѣляхъ стройности и цѣлостности книжки слѣдовало бы изображеніе пастырскаго идеала отнести въ первую половину ея, потому что все остальное содержаніе указываетъ путь внутренняго восхожденія пастыря къ своему идеалу.

2) Совершенно непонятно мелочно-дробное дѣленіе матеріала на отдѣлы съ особымъ заглавіемъ каждый. Подобное дѣленіе въ разсматриваемой книжкѣ обуславливается не разнообразіемъ и разнопредметностію матеріала, а скорѣе однимъ недоразумѣніемъ. Такъ напр., святость жизни іереевъ разсматривается, какъ нѣчто отличное отъ равноангельности и непрерывно-молитвеннаго характера ея, между тѣмъ и по прямому смыслу, и по сужденію автора, святость жизни есть уподобленіе ангеламъ, достигаемое непрестаннымъ молитвеннымъ восхищеніемъ человѣка къ Богу. Слѣдовало бы однородный матеріалъ изложить связно, а не дѣлить его на мелкія группы. Этимъ книжка была бы избавлена отъ нечуждыхъ ей повтореній.

3) Въ содержаніи книжки слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую, довольно существенную неполноту. Авторъ беретъ на себя задачу изобразить священство, какъ мученичество. Свою

задачу онъ и выполняетъ путемъ сопоставленія идеальныхъ личныхъ требованій отъ пастыря Церкви духовной высоты и того святаго подвижническаго пути, которымъ долженъ идти пастырь Церкви, вѣрный своему званію. Мученичество пастыря здѣсь въ преимущественной непрерывной борьбѣ со зломъ своей природы на пути къ идеалу пастырства. Но это одна сторона пастырскаго подвига. Другая и наиболѣе важная сторона касается общественной дѣятельности пастыря Церкви. Здѣсь то по изображенію св. Отцевъ и Учителей Церкви пастырь является въ собственномъ смыслѣ мученикомъ, когда онъ полный любви къ Богу и ближнимъ, жертвуетъ личнымъ благомъ и личными стремленіями во имя высшей идеи—спасенія ближнихъ. „Добрый пастырь, каковъ онъ долженъ быть по заповѣди Христовой, подвизается не менѣе тысячи мучениковъ. Мученикъ однажды умеръ за Христа, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ онъ быть долженъ, тысячекратно умираетъ за стадо“ (Голк. Златоуста на посл. къ Римл. стр. 670; бес. на Дѣян. ч. II, стр. 257). Для полноты и большей убѣдительности своихъ сужденій автору слѣдовало бы изобразить пастырскій подвигъ и съ этой, въ собственномъ смыслѣ пастырской и по преимуществу мученической его стороны.

Впрочемъ и въ настоящемъ своемъ видѣ книжка можетъ доставить назидательное чтеніе кандидатамъ священства. „Изъ приведенныхъ“ въ ней „свидѣтельствъ Слова Божія и святоотеческихъ можно безъ сомнѣнія каждому внимательно прочитавшему ихъ вывести заключеніе, насколько высоко, свято и многотрудно служеніе св. Церкви іерея Божія и насколько онъ, если сердечно со вниманіемъ себѣ и всему стаду пастырствуетъ, есть самоотверженный добръ воинъ Иисусъ Христовъ, добровольный повсежизненный мученикъ“ (—стр. 143).

Л. Соколовъ.
